

«Эффективных методов борьбы с недобросовестными кредиторами не хватает»

Ольга Ренова, управляющий партнер Forward Legal, много лет занимается сопровождением процедур банкротства. Мы попросили ее оценить происходящие в этой сфере изменения, рассказать об особенностях консультирования по таким проектам и о ее самых интересных банкротных процессах.

— *Какие нововведения последних двух лет вы считаете позитивными, и чего, на ваш взгляд, пока не хватает для того, чтобы институт банкротства стал действительно эффективным?*

— Отмечу два значимых новшества. Во-первых, для всех заявителей по делам о банкротстве была введена обязанность публиковать в Федресурсе сообщение о намерении обратиться в суд. Раньше это было обязательным только для банков, теперь касается всех: и кредиторов, и должников. Данное изменение позволяет отсеивать недобросовестных лиц, которые хотят перехватить контроль над процедурой банкротства. Практика подтверждает эффективность этой нормы: теперь суды не рассматривают заявления, поданные с нарушением правила.

Во-вторых, были введены нормы о субсидиарной ответственности и даны соответствующие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ. Данный институт несколько ужесточился, но зато стал более конкретным. Он позволяет более эффективно защищать интересы не только кредиторов, но и должников. Кроме того, остается меньше вопросов, решаемых по усмотрению суда. В связи с довольно скоропалительным внесением в закон норм о субсидиарной ответственности многие мои коллеги опасались, что теперь им придется работать только в пользу кредиторов, а отстаивать интересы тех, кого привлекают к субсидиарной ответственности, будет сложно. Однако практика нашей компании показывает, что этого не случилось. Так, для защиты интересов одного из наших клиентов более действенными оказались именно новые нормы. На их основе мы разработали правовую позицию и выиграли процесс.

В целом законодательство о банкротстве динамично изменяется, становится более четким. Хочется, чтобы закон менялся в сторону честной процедуры и независимого управляющего. В конечном счете, именно это влияет на успешность процедуры банкротства, которую нужно оценивать по количеству денег, получаемых кредиторами. Необходимы более жесткие критерии отбора арбитражных управляющих как для профессиональной деятельности, так и для участия в конкретных судебных делах.

В законодательстве о банкротстве пока еще недостаточно эффективных методов борьбы с недобросовестными кредиторами, а с должниками — и подавно. Мы регулярно сталкиваемся с различными проявлениями этой проблемы: наши оппоненты очень часто прибегают ко всем правовым и неправовым методам, лишь бы сохранить контроль над процедурой. Сейчас суды стали воспринимать доводы независимых кредиторов об аффилированности и отказывать в защите интересов недружественным участникам дел о банкротстве. Достичь успеха теперь удастся при рассмотрении даже самых запутанных дел. Хотелось бы, чтобы положительный опыт был закреплен на законодательном уровне.

— *У нас очень много говорят о субсидиарной ответственности. Имеются ли в вашей практике примеры успешного использования этого института?*

— Мы неоднократно привлекали к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника, причем среди них были как те, которые считались контролирующими по формальным признакам, так и те, которые фактически определяли его деятельность.

В целом стало легче привлекать к субсидиарной ответственности, а вот защищать клиентов, которых хотят привлечь к такой ответственности, теперь сложнее. Это подтверждает последняя статистика. Количество удовлетворенных заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности за два года увеличилось примерно вдвое. К тому же получить судебный акт о привлечении к ответственности — только половина дела, основные сложности возникают, когда встает вопрос о его исполнении.

Действенных институтов по взысканию долгов практически нет, а имеющиеся требуют таких вложений, что их рентабельность вызывает сомнение. Это тоже подтверждается статистикой. Так, выдвигаемые требования теперь удовлетворяются чаще, количество привлеченных контролирующих лиц выросло в 2,5 раза, но это почти никак не отразилось на размере требований, удовлетворенных в рамках процедуры банкротства. Наверное, для того чтобы институт субсидиарной ответственности заработал в полную мощь, следующие шаги законодатель должен сделать в сторону создания условий для исполнения судебных актов.

— Два года назад мы с вами говорили о том, что большинство злоупотреблений, с которыми вы сталкиваетесь, связано с поведением управляющих. Удалось ли как-то воспрепятствовать этой пагубной тенденции?

— Управляющих стали чаще привлекать к ответственности, но полностью пресечь злоупотребления с их стороны пока не удастся. По нашим наблюдениям, арбитражных управляющих часто привлекают к ответственности за малозначительные правонарушения (например, за несоблюдение оговоренных сроков), в то время как существенные злоупотребления остаются безнаказанными. Например, нередко встречаются злоупотребления при реализации имущества: управляющие вступают в сговор с торговыми площадками, что позволяет обеспечить реализацию имущества «нужному» лицу.

Появилась и новая форма злоупотребления: теперь управляющие часто работают группами, что позволяет им гибко и оперативно реагировать на угрозу привлечения к ответственности и обходить закон. Например, недавно при назначении управляющего в банкротстве мы собрали имеющуюся в открытом доступе информацию о нем и выяснили, что он всегда работает еще с двумя лицами (которые выступают его представителями либо представителями других лиц или участвуют в процедуре реализации имущества, оказывают услуги и т. п.). Эти лица выкупали имущество, участвуя в торгах, и получали плату за услуги из конкурсной массы. В некоторых случаях отстраненного

досье

Окончила юридический факультет Московского государственного университета им. Ломоносова юридический факультет и Уральскую государственную консерваторию им. Мусоргского по специальности «фортепиано» (диплом с отличием).

До 2014 г. управляющий партнер Коллегии адвокатов «Делькредере», с 2014 г. управляющий партнер Forward Legal.

управляющего заменяли другим из группы, после чего первый представлял его интересы по доверенности, то есть фактически продолжал управлять процедурой банкротства.

Предоставив всю эту информацию (статистику более чем по 20 делам) суду, мы возражали против назначения управляющего, не заслуживающего доверия. Однако, к нашему большому сожалению, суд отнесся к назначению управляющего формально и не принял наших доводов. Суд апелляционной инстанции согласился с ним. Так что пока суды еще недостаточно гибко реагируют на предоставляемую им информацию и не хотят досконально разбираться с подобными делами.

— Наше исследование выявило рост рынка юридических услуг в сфере банкротства и повышение спроса на них. Какие услуги являются наиболее востребованными?

— Интерес к услугам в сфере банкротства действительно растет. Потребность в сопровождении обособленных споров по делам такого рода у наших доверителей увеличилась, особенно если речь идет об оспаривании сделок, привлечении к субсидиарной ответственности или включении в реестр требования по корпоративному займу.

В работе стало больше дел о банкротстве физических лиц. По этой категории дел к нам обращаются как должники, так и кредиторы.

Участились обращения по поводу противодействия недружественным и аффилированным с должником кредиторам. Это, пожалуй, одно из самых интересных направлений в работе. Сейчас, благодаря тому, что информационное поле становится более открытым (причем по всему миру), выигрывать такие дела стало гораздо легче.

— Вы сказали, что в последнее время к вам все чаще обращаются кредиторы. Связано ли это с тем, что у нас прокредиторское законодательство? Кто сейчас является основными клиентами в сфере услуг по банкротству?

— Скорее не законодательство носит прокредиторский характер, а поведение компаний-банкротов и их собственников обуславливает потребность в защите интересов кредиторов. За рубежом компании зачастую используют процедуру банкротства для того, чтобы очистить бизнес от долгов и получить возможность развивать его дальше. К сожалению, в нашей действительности компания, начавшая процедуру банкротства, как правило, уже не имеет никакого имущества и неспособна даже частично рассчитаться с кредиторами по долгам.

Такая ситуация возникает из-за недобросовестных действий руководителя и собственников, которые перед банкротством выводят из компании все активы. Кредиторам приходится активно действовать для того, чтобы вернуть выведенное имущество и наполнить конкурсную массу. По этой же причине у нас редко используются реабилитационные процедуры — восстановление платежеспособности компании в такой ситуации не имеет никакого смысла.

Стоит отметить, что судебная практика, а следом и законодатель оперативно реагируют на различные виды недобросовестного поведения в процессе банкротства и вносят в закон изменения, защищающие кредиторов от злоупотреблений со стороны должника. Например, глава о субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника, периодически пополняется нормами, ужесточающими ответственность последних. Думаю, именно поэтому складывается впечатление, будто наше законодательство носит прокредиторский характер. На самом же деле при ответственном и добросовестном поведении всех заинтересованных лиц оно может быть эффективным для реабилитации компаний, попавших в сложное финансовое положение.

Выделить категорию основных клиентов достаточно сложно. К нам обращаются и банки, и предприятия, и частные кредиторы. В положении клиента-должника, безусловно, чаще выступают компании реального сектора экономики: строительные, промышленные, транспортные и пр.

— Нужно ли для оказания услуг в сфере банкротства иметь в команде разных специалистов, или достаточно наличия хорошо разбирающегося в этом юриста и литигатора?

— Для оказания качественных услуг в сфере банкротства в команде обязательно должны быть высококвалифицированный литигатор и специализирующийся на этом юрист. Однако данная сфера настолько многогранна, что наличие в компании разнопрофильных специалистов (налоговых, корпоративных, уголовных), на мой взгляд, является бесспорным конкурентным преимуществом.

Литигатору значимая роль отводится в связи с тем, что банкротство сопровождается большим количеством судебных споров по различным предметам и основаниям. Специалист в сфере банкротного права также необходим — закон о банкротстве объемный и сложный, толкование и применение его норм требует компетентного подхода.

В то же время при оказании услуг в сфере банкротства у клиентов часто возникает потребность в получении консультации и юридической помощи

по смежным вопросам (налоги, корпоративные конфликты, риск привлечения к уголовной ответственности менеджеров компании, бенефициаров и других лиц). Конечно, всегда можно привлечь соответствующих специалистов на «субподряд», но это сопряжено с риском и сложностями в коммуникации. Поэтому оптимальным решением я считаю создание команды из сильных литигаторов и разбирающихся в банкротстве юристов (они составляют основу проектной группы), а также юристов с экспертными знаниями в области налогового, корпоративного и уголовного права, которые могут оперативно и органично включиться в работу над проектом. Такой состав команды позволяет максимально эффективно решать задачи клиентов, достигая нужного результата.

— Что представляет собой рынок юридических услуг в сфере банкротств?

— Этот рынок отличается большой степенью сегментации. Игроков со значительной долей я на нем не вижу и уверена, что в ближайшие годы таковые не появятся. Места хватает всем. Проигрывают, сидят без работы и, в конце концов, уходят с рынка только слабые игроки, которые не могут обеспечить сносное качество работы. Но это тенденция всего юридического рынка. Я считаю, что эта сфера была и останется вотчиной российских юридических фирм. Зарубежные фирмы на данном рынке присутствуют в малом количестве. Сейчас много процедур банкротства ведется в регионах, особенно в отношении промышленных предприятий. В связи с этим региональные юридические фирмы составляют москвичам и питерцам серьезную конкуренцию, но в основном по цене, а не по качеству работы.

—Насколько юридические услуги в сфере банкротства прибыльны в сравнении с другими практиками?

— В нашей компании нет разделения на практики: мы — судебники в сфере права для бизнеса. В сфере банкротства львиную долю нашей работы составляют суды, так что рентабельность примерно одинаковая. Насколько я знаю, у коллег-конкурентов, разделяющих свой бизнес на практики, рентабельность банкротного направления выше рентабельности других практик и сопоставима с судебной.

—Расскажите, пожалуйста, о самых интересных проектах в вашей банкротной практике.

— За последнее время у нас было несколько интересных кейсов. Ведение одного из дел нам поручил

крупнейший кредитор должника. После введения процедуры наблюдения ему стало известно, что руководство должника активно готовится к банкротству: выводит активы, обременяет должника различными обязательствами и т. п. При рассмотрении одного обособленного спора суд назначил экспертизу для установления давности изготовления документов. Наши оппоненты, конечно же, не согласились с выводами эксперта о том, что документ подвергся серьезному термическому воздействию. В ходе пяти судебных заседаний суд выяснял, с какой стороны светит солнце на подоконник и могла ли бумага, на которой зафиксирован договор, столь существенно измениться под воздействием именно солнечных лучей, а не микроволн. Пришлось даже задействовать мобильные приложения для любителей астрономии, чтобы наглядно продемонстрировать суду, что версия наших оппонентов не выдерживает никакой критики.

В рамках другого спора нам удалось защитить должника от взыскания огромного долга, возникшего, якобы, вследствие поручительства за банк. Тут дискуссия шла не о правовых аспектах поручительства, а об экономической целесообразности поручительства за профессионального участника рынка. Мы смогли убедить суд в том, что юридические лица не поручаются за банк на случай, если он не вернет клиенту его вклад. Крайне подозрительно выглядит ситуация, когда будущий банкрот вдруг решает обеспечить интересы постороннего лица и гарантирует ему возврат денежных средств с банковского вклада, причем абсолютно безвозмездно.

Приведу еще один интересный пример. Миноритарные кредиторы обратились к нам, когда дело о банкротстве длилось уже пять лет. За это время крупные кредиторы с помощью конкурсного управляющего смогли установить косвенный контроль над активом должника и совсем не были заинтересованы в расчетах и завершении процедуры: актив стал приносить доход им, а не должнику, и такая ситуация их более чем устраивала. Нам же удалось одержать в этом деле сразу несколько побед: отстранить недобросовестного управляющего и оспорить сделки должника, в том числе те, в результате которых крупные кредиторы получили косвенный контроль над активом. Активная позиция миноритариев повлияла на поведение участников спора: они перестали чувствовать себя комфортно и безнаказанно. Теперь новый управляющий уже задумывается, прежде чем совершать какие-то действия в угоду назначившим его лицам. Ситуация с этим проектом постепенно выравнивается и, будем надеяться, позволит полностью защитить миноритариев. ❶